

Елизавета Сергеевна Мартынова (Данилова) родилась в Саратове. Окончила Саратовский государственный университет. Кандидат филологических наук. Публиковалась в журналах «Наш современник», «Волга — XXI век», «Луч», «Подъём», «Введенская сторона», альманахе «Новые писатели России», сборнике «Новые имена в поэзии». Автор книг «Письма другу», «На окраине века», «Свет в окне», «Собеседник». Лауреат премии имени Юрия Кузнецова журнала «Наш современник». Главный редактор журнала «Волга — XXI век». Живет в Саратове.

Елизавета Мартынова

ДОРОГА И ДЛИННА, И КОРОТКА...

* * *

Что-то вроде наброска слепого —
Но восходят уже навсегда
Драгоценное тихое слово,
Заревая земля и вода.

Потому что нельзя нам иначе.
Мы корнями росли в эту жизнь.
Кроткий ясень ликует и плачет,
Обнимая летящую высь,

Непонятную и ножевую,
Каждый всхлип — словно маленький плеск.
Мы сшиваем собой наживую
Белый свет с темнотою небес.

Вечность через вчера проступает.
Отпечатком ладони — звезда.
Эту книгу сегодня листает
Бог, чтоб нас не забыть никогда.

* * *

Тонкие вишни

как будто бы маслом написаны —
Так их сиянье прекрасно над черной землей.
Наискось ветер срывается беглыми искрами.
Бледное пламя полощется над головой.

Прожито небо. Весною земное дорожке —
 Ишь, как дрожит, отзывается чуткой струной
 Каждая травка на солнечный замысел божий,
 Каждая птица под новой и белой луной.

Скрипнет калитка ночная светло и маняще —
 Смех ли раздастся, обрывок ли песни какой —
 Вижу тебя во дворе: ты живой, настоящий,
 Снова отводишь цветущую ветку рукой.

Как я хочу, чтобы это мгновенье продлилось,
 Чтобы на воздухе легкий застыл лепесток.
 Вымолить бы мне от Бога ту малость и милость:
 Взгляд твой упрямый и твой молчаливый упрек.

* * *

Черное платье с белыми кружевами —
 Радость быть прежней,
 такой же, как я была,
 Помнила школу, облако в светлой гамме,
 Чайку над Волгой — узкие два крыла.

Зренье бесценно.
 Смотри, как лоза над оградой
 Ловко взбегает по красной кирпичной стене.
 Золотом светится спелая кисть винограда,
 Ставни открыты в простом деревянном окне.

Я не жила здесь,
 но что же безудержно манит
 В улицы эти, бегущие мимо реки?
 Запах воды — или красные звезды герани?
 Чайки на волнах качаются, как поплавки.

* * *

Апрель, и русла улиц горячи.
 Наполнено тревожным выраженьем,
 Окно мерцает, как лицо свечи.
 Все занято сияньем и скольженьем,
 И ты, и ты — как белый свет звучи.

И юность — скрипка тонкая — в тебе
 Играет, на пороге замирая.
 Весь город желт, как в Пасху куличи,
 Но воскресенье далеко от рая.
 Горячий воздух пристальный глотая,
 Все впитывай от улиц — и молчи.

Апрель. Так прелью пахнет городок,
Полями голубыми обнесенный.
Протянешь руку — и листве зеленой
Покорен ты, и музыкой глубок.

Распустится лист нежный и резной,
Собой прорехи неба наполняя.
Ему скажи: возьми меня с собой,
Я вырасту — до золотого края.

* * *

Старушка кормит голубей,
Досталось каждому по крошке.
Где ветер терпкий стал слабей,
По тишине проходит кошка.

Играют дети во дворе —
На шубках снег и на ресницах.
Как много жизни в январе,
Но мне иная жизнь приснится:

Когда в метели долгой шли
Неразделимо мы с тобою,
На крае пасмурной земли
Несчастно-счастливы любовью.

Там расцветает белым тьма,
Фонарь поет и золотится.
Там только кроткая зима —
И мы озябшие, как птицы.

И после смерти не забудь
Наш край, укутанный снегами,
К себе неутолимый путь —
И блики неба под ногами.

* * *

Словно тлеющий уголь под пеплом,
Словно тающий свет на воде,
Та любовь, что сгорела, ослепла,
Оказалась не нужной нигде.

Приспособиться — дело простое.
Хочешь — плачь, ну а хочешь — шути.
Только белое и золотое,
Что сияло в начале пути,

Вдруг мелькнет... Но его не касайся.
Суетой каждодневной живи.

Разговорами с Богом спасайся.
Но не надо о смертной любви.

Словно тлеющий уголь под пеплом,
Ало-синяя спелая мгла —
Та любовь, что сияла, и пела,
И сиренью запретной цвела.

* * *

Спасибо вам на добром слове —
Как жаркий воздух, золотом.
Пока его вдыхаем — ловим,
С небес скользит оно о том,
Что все мы: звезды, птицы, дети —
Проходим сквозь тенета тьмы,
Чтоб жить на свете и во свете,
Когда пойдем, что вместе мы.

* * *

А снег не выбирает, где идти,
Поскольку он всегда живет в пути
С небес на землю — и наоборот,
Когда о прошлом медленно поет.

Дорога и длинна, и коротка.
Где оборвется, словно бы река
С обрыва рухнет поздней синевой,
Не знает снег, пока еще живой.

Вот так и мы — бездумны и легки —
Касались дней на берегу реки.
Вот так и мы не выбирали тьмы
И света под покровами зимы.

Живи-живи, пока еще летишь
Сквозь воздух золотой — в немую тишь,
Пока душа, как спелая свеча,
Встречает снег — и тает сгоряча.

Свети, коль выбирает белизна.
Хоть ты одна, да и она одна.
Войди в нее — и в круге фонаря
Метнется небывалая заря.

* * *

Я про другое, про другое:
Про синее и голубое,
Про то, что видно на просвет,
Про то, чего на свете нет.

Не говори, что я иная, —
И я такая же земная,
Как вы, что жили, как могли,
И с маленькой земли ушли.
А я стою на самом крае
И замираю, замираю,
И чувствую, что кровь в виске
Поет на древнем языке.

* * *

Поэзия не может быть красивой.
Она, дурнушка, слишком хороша
Для умных, и богатых, и счастливых,
Как воздух тонкая — в чем держится душа.

Стволом кленовым, алой вольной веткой,
В случайном взгляде, несказанном сне
Очнется вдруг — и опустеет клетка,
А птица здесь, она поет во мне.

Дрожи и плачь, благословляй и сетуй,
Ростком младенческим из почвы восходи —
Тебе весна принадлежит и лето,
И все твои и звезды, и дожди.

Лишь ты жива, как вера и молитва,
Как нежность, что к земле обращена,
Объемлешь примирения и битвы
И, как любовь, идешь путем зерна.

* * *

Как ветка, длинна строка, и листьев на ней не счесть.
Она шелестит, пока мы живы, пока мы есть.
Она говорит со мной, касаясь лучей и птиц,
Мол, станешь листвою, травой, небесною синевою
На кончиках детских ресниц.
Ты будешь еще расти, как дерево, в небеса,
А что там, в конце пути, не ведаю, — шелестит, —
Ведь нет у пути конца.

* * *

Холодная земля, холодная вода,
И льдинки между слов, и облако седое.
Бредут сквозь тишину
Небесные стада
Туда, где одиночества им вдоволь.

Сурова ткань реки, и клинопись темна.
Но чайки закричат — моя печаль очнется.
Пока на берегу еще стою одна
Живой травой любви
Земля меня коснется.

Я только продолжение ее,
Осока, верба и тысячелистник.
И небо зарастет, и тихий дождь споет
О золоте неумолимых истин:

Нельзя построить жизнь свою на лжи,
Ее смывает призрачной волною.
На крыльях медленных степной орел кружит,
Как сотни лет назад,
Над бездной, надо мною.